

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

TOPOS DOMU DOŚWIADCZANIE ZAMIESZKIWANIA I BEZDOMNOŚCI

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-490-0

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności

Wanda Supa Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков	15
Matylda Chrząszcz Samowar jako metafora domu w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich XIX wieku	31
Элеонора Шестакова Феноменология бездомности героев мотива <i>русский человек на rendez-vous</i> в русской словесности XIX – первой трети XX вв.	41
Людмила Авдейчик Символика «небесной обители» в поэзии В. С. Соловьева	65
Анна Булгакова Дом и бездомье: топос Дом в пьесе Леонида Андреева <i>Жизнь человека</i>	83
Марина Красильникова Дом и «кочевье» в канунной русской культуре начала XX века	95
Алексей Овчаренко Безбытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы	109
Татьяна Комаровская Функциональная роль архетипов Дома и Дороги в раскрытии характера героини романа Джейн Смайли <i>Частная жизнь</i>	117

Янина Солдаткина Категория «дом/бездомность» в романах М. А. Булгакова и романе М. Петросян <i>Дом, в котором...</i>	123
Надежда Злобина Образ дома у дороги в поэме А. Т. Твардовского <i>Дом у дороги</i>	137
Nadzieja Monachowicz Houses in the Lives of Doris Lessing's Heroines	145
Наталья Ковтун <i>Изба – квартира – перекресток</i> : к вопросу о самоопределении героев в поздних текстах В. Шукшина	161
Ирина Середа Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х	179
Олеся Никитина Дом в сказках Леонида и Ирины Тютчевых <i>Зоки и Бада</i> и <i>Школа зоков и Бады</i>	187
Paulina Charko-Klekot Dom, w którym nie można żyć. Prowincjonalna Rosja oczami niektórych uralskich dramaturgów	195
Grażyna Król „Tylko mi Ziemi całej do życia brak”. O bezdomnościach Andrzeja Babińskiego	209
Beata Morzyńska-Wrzosek Doświadczenie zamieszkiwania bez zadomowienia. Na przykładzie twórczości Julii Hartwig	227
Marta Niedziela-Janik Interpretacja motywu bezdomności w utworze Olega Pawłowa <i>Koniec wieku</i>	245
Сергей Преображенский Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома	259

Святлана Лясовіч

Канцэпт «дом» у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле раманаў Альгерда Бахарэвіча, Юрыя Станкевіча) 267

Doświadczanie przestrzeni

Neonila Pawluk

Печаль воспоминаний... Пространство – время – телесная проксемиа в рассказе *Поздний час* Ивана Бунина 279

Вера Шульган

Перехрестя шляхів: життєві та поетичні дороги І. Я. Франка 289

Наталья Кнэхт

Антропология взгляда: человек в меняющейся городской среде, новые формы чувственного опыта и борьба за читательское внимание 297

Ілона Смаглій

Міфологічний, реальний і віртуальний світи в поезії Світлани Йовенко 307

Юрий Подковырин

Смысловые параметры художественного пространства в современной русской драме 317

Елена Гулевич

Монтаж как повествовательный принцип в рассказе А. Бирса *Добей меня* 333

Ірина Кропивко

Речовий світ людини у створенні метафоричного художнього простору у творах С. Поваляевої *Ексгумація міста* та М. Туллі *Сни й камені* 345

Анна Кононова

Полярная энтропия светоизображения в живописи белорусских художников рубежа XX–XXI веков 363

Елена Лепишева

Сценическое время-пространство новейшей русскоязычной драмы Беларуси 377

Алексей Овчаренко

Российский университет дружбы народов

Безытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы

Безытность – это слово, определяющее жизнь гениев русской литературы XX века: Велимира Хлебникова, Осипа Мандельштама, Венедикта Ерофеева. Однако как историко-литературное явление она пока ещё не изучена. Между тем, на наш взгляд, безытность занимает большое место в русской литературе, особенно в 1920-1930-е годы.

Хрестоматийные слова тургеневского Базарова о том, что «сначала место нужно расчистить» стали своеобразным паролем для последующих поколений «новых» людей и повторились в знаменитых строках «Интернационала» о разрушении до основания старого мира. Революционное мировоззрение и революционная идеология основаны на разрушении старого – мира, общества, культуры, языка: пролетариат нечего терять, кроме своих цепей. По мысли Л. Д. Троцкого, пролетариат и после революции оставался неимущим классом. Пафос разрушения в первые годы революции был ярко выражен и в литературе: футуристы, поэты Пролеткульта и напостовцы выступили в одном строю против старой культуры и искусства: прозвучавший ещё в 1912 г. призыв футуристов «Бросить Пушкина с парохода современности» превратился в «ветошь веков долой» пролеткультивца В. Кириллова, в «гибель языков» и создание «мирового грядущего языка» Велимира Хлебникова. Именно проблема культурного наследия стояла в центре одной из самых ожесточённых дискуссий 1923 г., когда напостовцы выступали единым фронтом вместе с ЛЕФ за полное отрицание классического наследия. Русская революция была, по мнению Л. Д. Троцкого, лишь прелюдией к «мировому пожару». Он писал о том, что большевики по-прежнему солдаты на походе, у которых дневка, а главные бои впереди. Этот «дух» мировой революции ещё долго ощущался как в прозе (*Завтра* Ю. Либединского, *Владыка мира* Л. Гумилевского и др.), так и в поэзии «романтиков борьбы

и походов». (М. Светлов, Э. Багрицкий, Джек Алтаузен, М. Голодный и др.). Э. Багрицкий в споре с Н. Дементьевым в рамках дискуссии о романтике гражданской войны, в частности, писал: «Степям и до-рогам//не кончен счёт... Сабля да книга//чего ещё?»¹. А В. Маяковскому, поэту совсем другой тональности и другого пафоса, ничего, «кроме свежeweымытой сорочки» не было надо.

Об общей безбытности поколения писал и В. Шкловский, хотя слово «быт» у него как теоретика формальной школы имело другой смысл: «Вообще все было настeжь. И быта никакого, одни обломки»².

Послереволюционного быта не было: «кочевое имущество»; жизнь «вместе с людьми большой бесконечной дороги»; уют был на подоконниках, на багажных полках и у костров. Один из героев романа *Тридцать ночей на винограднике* Н. Зарудина, соединяющий две ипостаси: Поджигатель и Учитель, «не носит воротничков, презирает галстуки», он физически слаб («тощая грудь»), но – «хочет поджигать Европу», «истреблять апельсиновые абажуры»³. Особенно важны слова Н. Зарудина о том, что у Поджигателя лицо пророка, поэтому автор называет его и Учителем (возможная аллюзия на Л. Д. Троцкого – «чистота нашего поколения, наши молодые годы, традиции нашей армии»⁴). Подчёркивая типичность Поджигателя/Учителя для России времён революции и гражданской войны, Н. Зарудин пишет, что таких людей «не встретить нигде, кроме нашей страны... вышедшей из потока мировых войн, из хаоса кризисов, голода и пессимизма»⁵. Типичными чертами таких людей и всего поколения стали «высокая чистота», отказ от бытового комфорта («грошовое одеяло», «бедные больничные завязки» на белье, дома – «сырые стены, книги и пыль на протоколах нескончаемых заседаний»). Но всё это компенсировалось и возмещалось взглядом, «упорным, как лампочка в кабинете заолустного парткома»⁶.

Безбытность была общей чертой, характеризовавшей поколения революции и гражданской войны в разрушенной стране, где всё поднялось и двинулось со своих мест, оставив прежнюю жизнь и дом, и семью. Это был также антропологический феномен, возникающий

¹ Э. Багрицкий, *Разговор с комсомольцем Николаем Дементьевым*, [в:] Э. Багрицкий, *Юго-запад*, Москва-Ленинград 1928, с. 86.

² В.Б. Шкловский, *Еще ничего не кончилось...*, Москва 2002, с. 142.

³ Н. Зарудин, *Тридцать ночей на винограднике*, [в:] Н. Зарудин, *Путь в страну смысла*, Москва 1983, с.25.

⁴ Там же, с. 37

⁵ Там же, с. 25

⁶ Там же, с. 30

в любой цивилизационной катастрофе, какой и были русская революция, большевистский переворот и последующая гражданская война.

Как этический принцип безбытность – отказ от уюта, возведённого в принцип жизни, – была частью общей моральной миссии русской интеллигенции в борьбе с мещанством и мещанским бытом. Этот принцип сформировался в российском обществе ещё до революции в статьях А. Блока, М. Горького, К. Чуковского, Р. Иванова-Разумника и мн. др.

В начале нэпа безбытность стала приобретать черты своеобразного культа, своеобразной революционной аскезы, особенно в революционной романтической парадигме в среде «ровесников века». В первые годы нэпа это превратилась в борьбу как с буржуазным бытом вообще (отказ от галстуков, косметики, ухода за телом, уюта и других «буржуазных» привычек, например, сборник 1926 г. *Быт и молодёжь*), так и в борьбу с «совмещанством» и «совбурами», с абажурами и канарейками, с косной силой быта (В. Маяковский *О дряни*), фактически в борьбу за сохранение романтизированных идеалов революции. Крайнее выражение это нашло в отказе от традиционных супружеских отношений и от традиционной семьи. Яркий пример – Даша Чумалова из романа *Цемент* Ф. Гладкова. Она говорит своему мужу Глебу:

Ты хочешь, Глеб, чтобы на оконцах кучерявились цветочки, а кровать надувалась пуховыми подушками? Нет, Глеб: зиму я живу в нетопленной камере (топливный кризис у нас, знай), а обедаю в столовой нарпита. Ты ж видишь, я – свободная советская гражданка⁷.

Была провозглашена и свобода сексуальной жизни (так называемая, в действительности не существовавшая, «теория стакана воды»), что вызвало появление «половой» литературы (В. Зазубрин *Общежитие*, П. Романов *Без черёмухи*, С. Малашкин *Луна с правой стороны или необыкновенная любовь*, Л. Гумилевский *Собачий переулок*, Л. Грабарь *Коммуна восьми*, И. Рудин *Содружество* и др.)

Обратим внимание, что почти никто из пролетарских писателей разных поколений (А. Серафимович, Ф. Гладков, А. Фадеев, Ю. Либединский и мн. др.) не писал о бытовой стороне жизни своих героев, для полноты характеристики она им была не нужна – только идея, только дух, только стремления – всё бесплотно. Отчасти это мож-

⁷ Ф. Гладков, *Цемент*, «Красная новь» 1926, № 1, с. 87.

но объяснить ещё и тем, что многие пролетарские писатели и поэты Пролеткульта прошли то, что принято назвать «суровой жизненной школой», обычного детства и юности в окружении семьи у них не было.

Не случайна антитеза названий и героев двух популярных повестей о коммунистах: Андрей Бабичев, выводящий новую «породу» колбасы – Александр Журавлёв, кооператор «душ человеческих», *Зависть – Сердце*. Особенно это было характерно для «ровесников века», тех, чьё личностное и творческое становление пришлось именно на годы революции и гражданской войны – А. Фадеев, Ю. Либединский, И. Катаев, Н. Зарудин, Б. Губер, В. Наседкин, А. Платонов, М. Светлов, М. Голодный, М. Шолохов и мн. др.

Писатели-эмигранты – Б. Зайцев, И. Бунин, И. Шмелёв, позже В. Набоков, – наоборот, очень подробно описывали навсегда исчезнувший быт, прежнюю Россию, Россию своего детства, семейного уюта, утраченного рая, с этнографической точностью воссоздавая Русский эпос на чужбине (особенно показательна глава *Праздники* из романа И. Шмелёва *Лето Господне*). Возрождение навсегда утраченного быта было частью их творческой позиции. В России одним из бытописателей, противопоставлявшим чистоту, уют, яркий электрический свет, тепло, вкусную и разнообразную еду (обеда профессора Преображенского) разрухе, гнилой колбасе и вобле как основным атрибутам послереволюционной жизни был М. Булгаков, писатель совсем из другого «лагеря».

Эта безбытность и принципиальная неустроенность, нежелание обрастать вещами и комфортом, проявилась, прежде всего, в поэзии «романтики боёв и походов», у сторонников и поклонников Л. Д. Троцкого и его до сих пор популярной идеи мировой революции. Истинные революционеры не искали комфорта, правда речь идёт лишь о рядовых, так сказать, подвижниках, если не сказать – фанатиках идеи (Учитель в романе Н. Зарудина *Тридцать ночей на винограднике*). Наиболее яркий пример такого подвижника, фактически мученика, был создан в романе Н. Островского *Как закалялась сталь*. Павка Корчагин стал камертоном, которым проверяли чистоту своих революционных чувств, одним из первых «святых» в советском пантеоне. В образе Павки и образах подобных ему актуализировались вполне христианские принципы не столько нестяжательства как этического принципа (о котором подавляющее большинство рядовых революционеров и большевиков не имело, скорее всего, никакого представления – атеистическое мировоззрение не позволяло), сколь-

ко забвения быта, уюта, комфорта, всей личной жизни ради высшей цели. Эти принципы близки притче о богатом юноше из *Евангелия от Матфея*. Яркий пример – поэзия Пролеткульта с её отвлечённым космизмом, оторванностью от земной жизни и поэзия романтиков революции, романтиков борьбы и походов – М. Светлова, М. Голодного, Дж. Алтаузена, А. Безыменского, Э. Багрицкого и др.

Не случайно В. Шкловский писал: «Мы не знали иного быта, кроме быта войны и революции»⁸.

Безбытность, вернее – забвение быта, была традиционным, наряду с хрестоматийным одиночеством, эстетическим атрибутом образа поэта/пророка. Поэт Александр Гулевич в одноимённой повести И. Катаева не умеет ничего, даже сварить себе кашу, он живёт только стихами, «...очень чуден он был с виду и необычен в обиходе»⁹; мастер Е. Вихрева предстаёт «в виде огромной фигуры бродяги в рубище, обросшего волосами, хромого, угрюмого и молчаливого»¹⁰, художник Пимен из повести *Стремена* Н. Ляшко нищ и болен, а Луиджи из повести *Мастерство* П. Слётова живёт только своими скрипками.

В литературной критике также шла борьба с обещанием писателя¹¹, борьба с вещиизмом. В декларации Содружества писателей революции «Перевал» прямым текстом говорилось об опасности стать зависимым от власти, получив «полное собрание сочинений, дорогие вещи, дома, дачи, стильную мебель»: «Содружество выступало и будет выступать против культа и фетишизма вещей..., жизнь человеческого коллектива не будет отражаться в кривом зеркале отношений между вещами»¹².

Эта борьба и ненависть к мещанству перешла по наследству к поколению «оттепели», к поколению «шестидесятников», романтика боёв и походов реверсировалась в романтику гитары, костра, палатки и дальних странствий: «дым костра создаёт уют». Именно отцовской саблей, оружием гражданской войны, рубит «буржуйскую» мебель, протестуя против накопительства, герой культового фильма *Шумный день*, поставленного по пьесе В. Розова *В поисках радости*, а умереть все мечтают «на той единственной, гражданской».

⁸ В.Б. Шкловский, *Еще ничего не кончилось...*, Москва 2002, с. 294.

⁹ И. Катаев, *Поэт*, [в:] И. Катаев, *Избранное*, Москва 1957, с. 118.

¹⁰ Е. Вихрев, *Ножницы*, [в:] Е. Вихрев, *Освобождение раба*, Москва 1933, с. 143.

¹¹ Несколько раньше А. Лежнев говорил в этом случае об «ожирении» писателя: А. Лежнев, *О молодых писателях*, «Печать и революция» 1929, кн. 2-3, с. 77.

¹² «Перевал» и искусство наших дней, «Литературная газета» 1930, 21 апреля.

С возрождением революционного сознания на современном этапе снова раздаются призывы к опрощению и ограничению. Эти призывы не только примитивизируют основные мысли статьи А. С. Солженицына *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни*, но и выводят за скобки раскаяние как крайне важную категорию этой жизни. В современной литературе у писателей разных поколений, оплакивающих «советский проект», появились новые герои-революционеры (Санька, герой одноимённой книги Захара Прилепина). Общий пафос книг «новосоветских» писателей (Н. Иванова) – А. Проханова, Э. Лимонова, С. Шаргунова, отчасти М. Елизарова, унаследовавших классовую ненависть общих советских предков, направлен уже не только против «гнилого Запада», но и против общества потребления и против всей «западной», «либеральной» культуры, при этом период после распада СССР оценивается как «либеральный шабаш» (З. Прилепин). Протест героев *Санька* против сверкающих дорогих витрин, прозвучавший в 2006 г., подкрепляется и политическим дискурсом: «Мы существуем не для того, чтобы у всех было хорошо с колбасой и йогуртом. Нет, у нас более широкая миссия», – говорит А. Журавлёв, лидер националистической партии «Родина»¹³. Это химерическое сочетание левой идеи (интернациональной и атеистической по сути), православной аскезы и национализма, возможно, ещё найдёт своё воплощение в художественном тексте и своего исследователя.

¹³ «Огонёк» 17.02.2014, № 6, с. 22.

SUMMARY**“Bezbytnost” (Absence of family life/way of life) in the Russian literature of 1920-1930’s. Formulation of the problem**

The present article investigates the problem of bezbytnost in Russian literature of 1920-1930. Bezbytnost is presented as an ethical, political and aesthetic phenomenon. The connection of bezbytnost with the Christian (Orthodox) principles of non-acquisitiveness takes its origin in the parable of the rich young man in the Gospel of Matthew.

The article discusses the ways in which different aspects of bezbytnost have been studied on the basis of their use in poetry and prose.

The Civilizational aspect has been common for generations in the revolution and civil war.

Ethical and political aspects are presented in the traditional Russian intelligentsia struggle against philistinism, converted during the NEP in the fight with lampshades and canaries as a symbol of Philistinism and the bourgeois way of life in general (V. Mayakovsky’s, M. Svetlov’s and the M. Golodny’s poetry). Comfort contrasted nomadic life of battles and campaigns of the Civil War. This passeism was intended to protect the betrayed revolution’s ideals (M. Svetlov E. Bagritsky, M. Golodny).

Continued on the new stage of revolutionary asceticism during the thaw and restructuring aestheticized in V. Rozov’s plays, B. Okudzhava’s poetry, in the romance of bard’s song (Y. Vizbor).

The revival of the left idea at the beginning of the 21st century in the A. Prokhanov’s E. Limonov’s, M. Elizarov’s, Z. Prilepin’s and S Shargunov’s works. The struggle against consumer society is the regular proclamation of the special way of Russia.

Keywords: Russian literature of 1920-1930’s, revolutionary-romantic paradigm, cultural heritage, bezbytnost, the struggle with the Philistinism.

Ключевые слова: русская литература 1920-1930-х годов, революционно-романтическая парадигма, культурное наследие, безбытность, борьба с мещанством.